

фрагменты прошлого: знакомые имена

Он был запевалой народа

В ЧЕМ был секрет его успеха? Еще до войны он достиг отметки большого мастерства. Особенно ярко его дарование свернуло в фильме «Два бойца». Если бы в те годы существовал рейтинг популярности, Марк Бернес наверняка занял бы место лидера. Недаром с первого дня выхода фильма он покорила сердца, как до этого никому не удавалось.

На фронте бушевали смертельные вихри, в тылу господствовали голод, холод; напряженный труд, казалось, не оставлял времени для развлечений, а вокруг все только и говорили о герое фильма Аркадии Дзюбине. Его песни распевали во фронтовых блиндажах и в глубоком тылу, где по стенам квартир искрился иней, а изо рта клубился пар. Кинообраз советского солдата, мастерски созданный артистом, полюбился народу, как и поэтический образ Василия Теркина.

Герой Бернеса повлиял на стиль того времени. Стали модными полосы тельняшки, выглядывающие из-под ворота рубахи, и протяжный одесский говорок с особым акцентом на шипящие звуки. «Ще такое?» — обращались друг к другу при встрече. Светлый юмор Бернеса помогал людям поднять настрой, вызывал улыбку, а ведь улыбаться тогда было ох как трудно!

В искусстве такая удача бывает нечасто. А когда Бернес пришел на эстраду, люди зацепили его песни с такой же радостью, с какой встречали его киногероев. «Я люблю тебя, жизнь», «Сережка с Малой Бронной», «Прасковья», «Журавли» и другие песни быстро потеряли концертное значение и смешались с народной музыкой.

В наше время очищения правды от несправедливых наветов надо еще раз вернуться к светлomu имени Бернеса, который так много сделал для людей и хотел бы сделать больше...

Автор этих строк начинал писать с ним книгу о его жизни, жизни человека, посвятившего себя песне. Из-за ранней смерти артиста книга, к сожалению, не появилась в свете. Остались старые блокноты с драгоценными записями.

...Помню, нашими соседями по лестничной площадке оказались Лидия Андреевна Русланова и ее муж, герой войны Владимир Викторович Крюков. Освобожденные из лагерей, они также были новоселами в этом доме. К тому времени Лидия Андреевна выступала уже редко. Напоминало о себе подорванное в лагерях здоровье — плохо держали ноги, мучил диабет. Очень общительная, приветливая, она с большим интересом следила за моими первыми шагами в журналистике.

— А почему бы тебе не написать книгу, скажем, «Человек и песня»?

— О вас, Лидия Андреевна? Ведь все только и говорят о ваших выступлениях перед армией, а концерт перед рейхстагом стал легендарной войной!

— Об этом концерте рассказали Сталину. Но он не знал о другом — в Тайшкетском лагере, где пела я с таким же подъемом. Меня вызвал начальник лагеря и потребовал выступить. «Перед кем? — спросила я. — Перед операми не буду, если будут все заключенные колонии — выступлю!». «Ладно, подумаем», — невольно пробурчал начальник. Через день концерт состоялся, на него пришли даже больные зеки из лазарета. Дави я не получала такого удовольствия от пения, как во время выступления перед этими несчастными людьми. Достаточно было только видеть их глаза, детски полные восхищения... Незабываемо! Но книжка должна быть не обо мне. О Марке Бернесе. Знаю его огромный талант, так и не использованный до конца. А ведь сколько еще он мог бы дать народу!

...Не без трепета входил я во двор большого дома на Садовой-Сухаревской, искал подъезд. Позвонил и вошел в небольшую, оборудованную под гостиничный холл. На стене подборка фотографий, в нише работает телевизор. Бернес в легкой куртке приглашает в большую продолговатую комнату.

— Пока вы ехали, я успел поспать часок, — говорит он с детской гордостью за то, что не потерял время зря. И вдруг на лице появляется выражение грусти: — Знаете, сердце пошаливает все чаще и чаще...

Я вглядываюсь в его глаза, до боли знакомые черты и меня внезапно наполняет шмещающая ностальгическая тоска по прошедшему времени. За окном жаркое лето 1967 года; где-то внизу бурлит самый оживленный участок Садового кольца, а я вижу. Померанцев переулочек на Кропоткинской улице, школу военного детства. Собравшихся в переулочке перед воротами подростков. Их все больше и больше, прибывают новые. И вот решительно повернув от школы, толпа устремляется к трамвайной остановке, наполняет продолговатые и узкие, как кухни в коммунальных квартирах, вагоны «Аннушки», с лязгом и звоном катящиеся по Гоголевскому на Арбатскую площадь. Там, в «Художественном», первый день пошел новый фильм «Два бойца» — одно из значительных культурных событий Великой Отечественной. Первый девятичасовой сеанс проходит с полным аншлагом. Зал забит до крыши. В этот день сорваны уроки во всех московских школах. Подойти к кассам кинотеатра невозможно, очереди тянутся на десятки метров. А в самом кинотеатре мы, зачарованно глядя, как в ночное небо, в бездонную глубину экрана, замирали от волшебных мелодий, невозможных, неслыханных, уносящих нас от холодных и голодных тыловых будней туда, где настоящие люди, обуреваемые сильными страстями, рисковали жизнью, боролись с невзгодами, любили и страдали в короткие передышки войны.

Бернес задумчив. Перед его глазами, наверное, тоже всплывает прошлое.

— Роль-то, знаете, не получилась, если откровенно сказать, просто провалилась тогда.

— Как это?!

— Представьте себе эвакуированный кинотеатр в Ташкенте... Условия жизни труднейшие. Ютились по углам. Я со своей семьей оказался в черте старого города. В маленьком тогда Ташкенте киноартистов уважали сразу. Нас было мало, и нашу славу в то время можно сравнить, пожалуй, только со славой нынеш-

них космонавтов. Ведь фильм выходил редко. Если раз в месяц — это считалось большим достижением. Ходили смотреть его целыми семьями. Да еще не одиножды. Актеры — почти всегда одни и те же, они кочевали из одной ленты в другую, и узнавать любимого артиста в каждой новой картине считалось особенным удовольствием. Играли актеры однообразно, сохраняя присущий им личный почерк. В результате роль создавалась на конкретном исполнителе.

Война внесла большие изменения в рождение кино. Привычный круг режиссеров, сценаристов, артистов распался. Одни оказались в Ташкенте, других военная судьба раскидала по разным городам... Приглашать на роль из другого города оказалось делом неосуществимым. Во время съемок приходилось рассчитывать на тех, кто оказывался под рукой. В 1941 году на Ташкентской студии вовсе шли съемки кинофильма «Дорога к звездам», где мне была уготована роль моего героя из фильма «Истребители» — летчика Кожухарова. В этой авиации он уже вырос до звания генерала авиации. Нельзя сказать, чтобы я получил от новой роли большое удовольствие. Кожухаров в юности был мне ближе и дороже... Той увлеченности, с какой мы сработали первую картину, никто в группе не испытывал.

К тому же попутно приходилось отвлекаться на фронтовые киносборники. Большая польза этих короткометражек была в злободневности, экстренном отклике на события. Острые шаржи на врага, отлично подобранные в киноальманахи, по-журналистски четко «работали» в годы войны. Смотрели их с интересом, надолго запоминали сатиру, подхватывали «крылатые выражения», песенки. «Киноплакаты» поднимали настрой, заражали духом уверенности, снимали боль утрат, отгоняли боль фронтовых неудач.

Но время требовало большего. Надо было подарить народу правдивый, энергичный фильм о героических судьбах людей, чья жизнь превратилась на дорогах войны в сплошной обыденный подвиг. Такой лентой могла стать киноповесть о двух фронтовых друзьях по произведению Л. Славина. Сценарий заказали Габриловичу.

Сюжетная конструкция фильма строилась по замыслу сценариста на дуэте двух популярнейших актеров кино — любимцев публики Б. Андреева и П. Алейникова. Надо сказать, что незадолго до этого мы втроем сыграли вместе в киносборнике «Три танкиста», где мне пришлось подменить их третьего партнера по фильму «Трактористы» — Крюкова. По сюжету бывшие друзья-трактористы становятся водителями грозных машин. После съемок Алейников уехал из Ташкента, и на новую роль Дзюбин (а она писалась специально для Алейникова) режиссер фильма Луков объявил конкурс. Дождаться Алейникова он просто не мог! Честно говоря, я не собирался участвовать в этом деле, если бы не Габрилович, который настоял на пробах. На его надежды, увы, не оправдались... Роль у меня упорно не получалась. По общему мнению, да и по своему собственному тоже, с Дзюбиным я справиться не смог.

Настроение было скверным. И вот однажды, когда совершенно отчаявшись, я пришел к решению отказаться от роли, судьба занесла меня в ближайшую к моему дому парикмахерскую. Местный цирюльник, накинув на мою шею не очень чистую простыню, в несколько минут «обчистил» меня под общепринятый тогда фасон «бюкса». Я с ужасом посмотрел в зеркало на обезображенную голову и полпелся на студию, где виновато предстал перед режиссером. Луков сначала рассеянно скользнул по мне взглядом и вдруг всколыхнулся:

— Послушай, что ты с собой сделал?!

Я испуганно молчал.

— Как это тебе удалось! Ведь это же и есть настоящий Дзюбин!

Я бросился к зеркалу и увидел себя глазами Лукова. Чем дальше смотрел на свое отражение, тем больше находил в молодом паренке с лихим, коротким чубчиком бесшабашного и веселого одессита... И вот с этой минуты роль пошла. Не от внутреннего к внешнему, а наоборот, я пришел к ощущению образа от наружного облика своего героя.

— Но ведь вы нашли и музыкальное, и речевое воплощение образа. Вы что — жили прежде в Одессе?

— В том-то и дело, что никогда. В Одессе я был всего две недели в своей жизни. Сами понимаете, это недостаточно, чтобы освоить колоритный характер его темпераментных жителей, да и не ставил тогда такую задачу — вроде было ни к чему. На окраине Ташкента в госпитале после долгих поисков я нашел раненого моряка Черноморского флота. Одессита. Вот он и преподавал мне тот самый «маленький урок географии», который я постигался хорошо усвоить. Насколько это удалось — судить надо по Аркадию Дзюбину; и в его отношениях с фронтовыми товарищами, и в его ненависти к врагу мне хотелось донести до зрителя кипучую натуру того страстного матроса. Одесситы стали считать меня всестыким жителем своего города, а когда я всякий раз говорил, что родился и рос в Харькове, упорно не хотели этому верить. Однажды упрекнули даже: дескать, слава славой, а от родной Одессы-мамы все равно отказываться грех...

— Ну а музыкальное решение образа Дзюбина — ведь это особая ваша удача. «Темная ночь» не просто принята народом, она ведь стала почти фольклорной песней.

Марк Бернес подходит к окну. Внизу под подоконником смонтирована звуковая установка. Настоящий акустический комбайн. Он нажимает клавишу, и в комнате звучит голос. Тембр и манеру исполнения спутать невозможно: «Тучи над городом встали...».

— Для меня два образа — Кости Жигулева и Аркадия Дзюбина — родные братья. Ведь и Костю Жигулева я нашел совершенно самостоятельно. И тоже начал с его внешнего вида. Помог опыт работы литературным секретарем у писателя Погорина. По его просьбе приходилось восстанавливать по деталям музейных экспонатов рисунки исторических костюмов, необходимых для литературных описаний. Во время съемок фильма «Человек с ружьем» я с удовольствием рылся в актерском реквизите и обязательно выуживал что-нибудь полезное. То матросскую тельняшку, то полбушлат, какой можно было увидеть на питерских рабочих. Однажды извлек из груди старых вещей видящую виды гармонь, развернул мехи и понял — Костя Жигулев обязательно должен петь! Но в роли песни не было. Я много раз просил Шостаковича — композитора фильма — написать специальную музыку, предлагал тексты. Он обещал, а потом честно признался — песня у него не получилась. На репетиции огорченно взял ненужную гармонь, последний раз растянул ее и только хотел отнести в реквизитную, как ко мне подошел второй режиссер фильма Арманд. Он протянул листок бумаги, на котором было написано: «Тучи над городом встали».

— Какие еще тучи? — поинтересовался я.

— Скоро узнаешь, — засмеялся Арманд и пригласил меня к роялю.

Оказалось, он слышал разговор с Шостаковичем и всю ночь сочинял слова и мотив песни, которой вскоре было суждено изменить мою актерскую судьбу. Жигулев запел, и слова песни подхватила вся страна. Я понял, мое призвание — поющий герой.

В кино и Жигулев, и Кожухаров, и Дзюбин, и изгнанник Родины, бывший вор Огонек из фильма «Ночной патруль», имеют общее — лиризм души. И люди, слушая песни, поневоле погружаются в их внутренний мир, где каждый может узнать себя. И тогда песня делается понятной и родной, ее хочется петь, она возвращается к человеку снова и снова... В чем привлекательность песни «Тучи над городом встали», грустной песни о разлученных войной, или баллады о веселом одессите? В том, что они пришли ко времени. Народ подхватывает только то, что понастоящему берет за душу.

— Насколько помню, тогда еще никто из актеров кино не осмеливался петь перед публикой. Даже такие «поющие» актрисы, как Ладынина или Орлова.

— Да и я не мог представить себе подобное. Помог случай. Герасимов в Свердловске «променял» мое выступление на помощь съемочной группе. Для исполкома готовился новогодний концерт. На экраны недавно вышел фильм «Два бойца», и вот попросили выступить.

— Как я буду петь, если я не певец?

— Будешь, и обязательно хорошо! — заверил Сергей Аполлиналиевич.

Концерт вел Петр Ильич Муравский. Конферансье чрезвычайно требовательный, ревниво и недоверчиво рассматривающий актеров кино, как некую «плату колонну» на эстраде. Заведомо не веря в успех затеи с моим пением, он нарочно поставил номер в конце программы, когда от исполнителя ждут «бесовочки». Вышел я на сцену, не чувствуя ног. Подошел к рампе, зажмурился и запел. Сначала «Тучи над городом встали», «Любимый город», потом «Темную ночь»... И тут зал взорвался! Что там творилось! Муравский, сверкая глазами, все время подталкивал меня «на выход», хлопал по спине... Успех был полный. После этого я и запел на эстраде.

— Знаю, Марк Наумович, что эта дорога была у вас нелегкой. Помню выступления в газетах с критикой вашей манеры исполнения. Все ли теперь благополучно?

Бернес грустно улыбается. Складка на лице делается глубже.

— Недоброжелателей у меня много.

Особенно я это почувствовал после исполнения песни «Прасковья». Ее создали Исаковский и Блантер в 1945 году. Спел ее впервые на концерте в мюзик-холле в 1960 году. И во время исполнения увидел, как встают люди в зале. Это были убежденные седины ветераны, чью грудь украшали боевые ордена и медали. И с тех пор всюду, где пел, в зале вставали люди и молча слушали, пока не замирал последний аккорд. Песня была признана народной, меня же уговаривали не петь ее в эстрадных выступлениях, отдать ее певцам классического репертуара. Не знаю, почему и кто принимал такие решения, но помню только, на каждом концерте зал требовал от меня «Прасковью». Я никогда не выступал в пререкательства. На все упреки в мой адрес предпочитал отвечать новой работой. Всегда был убежден — артиста может судить только народ, его признание — лучшая оценка труда в искусстве. Когда в Париже собирали концерт международных звезд — в нем от Франции должен был спеть Шарль Азнавур, от Англии группа «Битлз», — от Советского Союза пригласили участвовать меня... Очень жалко, что тот концерт не состоялся. Думаю, советская лирическая песня не уступила бы западным «шлягерам»...

Мы прощаемся с Марком Наумовичем, чтобы встретиться еще и еще раз. Наш план-проспект был принят в издательстве «Искусство», но, увы, брошюра родиться не успела. Замечательному артисту оставался короткий срок жить среди людей...

Прошли годы, сменились с ними поколения — естественный и необратимый процесс. В тиши кладбищенских лип они нашли свой покой — недалеко друг от друга похоронены Л. Русланова и ее муж — боевой генерал, чьи лихие казаки проехали по поверженному Берлину, ушедший несправедливо рано от нас М. Бернес, не успев спеть и сыграть все, о чем грешил и чем страдал в этом мире, те отгоразившем его, то бурно изливавшим ему свое признание. И когда двадцать в год над золотыми куполами Новодевичьего монастыря пролетает крылатый клин — кто знает, может быть, они в том строю окликают нас, оставшихся на земле, упрямывая не ошибаться больше во имя живых...

Э. КОТЛЯР.